ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

О

ВОЗМОЖНОСТИ ФИЛОСОФІИ,

КАКЪ НАУКИ,

ПРИ ОТКРЫТІИ ФИЛОСОФСКИХЪ ЧТЕНІЙ

ВЪ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

ЧИТАННАЯ

ИВАНОМЪ ДАВЫДОВЫМЪ,

Докт. и Орд. Професс. Философіи,

1826 Маія 12.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1826.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатании, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва. 1826 года, Маія 17 дня. Сію книгу разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ,

Ѳедоръ Чумаковъ.

СТУДЕНТАМЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Ἐκὰς, ἐκὰς ἔστε βέβηλοι.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Восходя на сію каѳедру, съ которой достопочтеннѣйшіе Члены знаменитаго нашего святилища наукъ и незабвенные мои наставники, съ честью занимаясь преподаваніемъ Философіи, разливали свѣтъ мудрости, сколько радуюсь, становясь преемникомъ славныхъ ученостью мужей и долговременнымъ опытомъ искушенныхъ, столько же робѣю, когда помышляю и о важности предмета, и о предстоящихъ трудностяхъ въ изложеніи, и о силахъ, для сего потребныхъ, особенно для удовлетворенія ожиданій, въ продолженіи пяти лѣтъ, по прекращеніи чтеній Философскихъ, возраставшихъ. Но подкрѣпляемый покровительствомъ Вашего Превосходительства, нашъ благодѣтельный Начальникъ, объ открытіи сихъ чтеній ходатайствовавшій—ободряемый Вами, Милостивые Государи, меня въ сіе званіе избравшими, и видя предъ собою тѣхъ юныхъ друзей, съ которыми уже подвизался я на

поприщѣ ученія и коихъ блистательные успѣхи и одобрительный отзывъ всегда служили мнѣ сладостнѣйшимъ, высшимъ въ нашемъ дѣлѣ вознагражденіемъ — удостовѣряюсь, что и въ предстоящихъ занятіяхъ буду имѣть щастіе заслужить довѣренность и по возможности общей пользѣ содѣйствовать.

„Премудрости наставниче, смысла по-„дателю, немудрыхъ наказателю и ни-„щихъ защiтителю! утверди, вразуми „сердце мое, Владыко; ты даждь ми сло-„во, Отчее слово.“

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

при открытіи Философскихъ чтеній въ Московскомъ Университетѣ.

Приступая съ Вами, Почтеннѣйшіе Слушатели, къ Философіи, долгомъ почитаю предварить Васъ, что мы приступаемъ къ такой наукѣ, которая за двѣ тысячи съ половиною лѣтъ почиталась строительницею городовъ, изобрѣтательницею искусствъ и всѣхъ знаній, спутницею къ истинѣ и добродѣтели, и, не смотря на сіе, подобно святому ученію Религіи, имѣла своихъ гонителей и мучениковъ. Анаксагоръ и Сократъ, возносившіеся мыслію къ Творцу всего творенія, Галилей и Декартъ, покушавшіеся открыть завѣсу мірозданія, обратили на себя ненависть современниковъ, изъ которыхъ слабые бываютъ неравнодушны къ умамъ высшимъ, и за

славу, неотъемлемо по смерти отъ потомства получаемую, обременяютъ жизнь ихъ нещастіями. Во всѣ времена были человѣконенавистники, которые, завистливо взирая на быстрые успѣхи зрѣющихъ умовъ, разсѣвавшихъ мракъ предразсудковъ и обнаруживавшихъ гнѣздившееся въ ономъ невѣжество, обвиняли Философію, какъ ученіе опасное: и проповѣдники любомудрія бывали жертвою злобы и клеветы. Во всѣ времена являлись и упорные старообрядцы, которые, въ безпечности своей и въ упоеніи учености первыхъ лѣтъ, бывъ застигнуты внезапными переворотами новаго, мыслящаго поколѣнія, показывавшаго заблужденія ихъ, не желая разстаться съ кумирами своими, осуждали Философію: и ея учители почитались невразумительными мечтателями. Отсюда всѣ ухищренія, дабы представить Философію или пагубною, или смѣшною. Указывали на пожары, рукою отчаянныхъ извергъ воспламеняемые въ ихъ отечествѣ, и которые единственно кровопролитіями были потушаемы—на смуты, какъ [illegible]ремленіемъ и порывами къ безначалію были воздымаемы — и торжественно провозглашали: вотъ слѣдствія Философіи! Такъ

ослѣпленные гасители просвѣщенія сами хотѣли истребить въ себѣ возвышенныя чувства и оковать врожденное паренiе къ Свѣту свѣтовъ; они сими лживыми указаніями обнаруживали собственныя свои мысли, для мудрости и добродѣтели чуждыя и ужасныя. Развѣ виновна Религія, когда поклонникъ Фетишей или чтитель Алкорана, во зло употребляя святое имя ея, безтрепетно вонзаетъ кинжалъ въ грудь нашего брата — Христіянина? Развѣ виновна была и Философія, скажу болѣе, самый умъ, когда Равальяки, Мараты и Робеспьеры приносили въ жертву алчному и ненасытимому честолюбію своему Вѣнценосцевъ и отечество, называя безумiе свое внушеніями ума и Философіи?

Но стоютъ ли возраженій отголоски невѣждъ? Мы щастливы подъ благословеннымъ Царствованіемъ Самодержца нашего, руководимые мудрыми исполнителями священной воли Августѣйшаго. Вмѣсто гоненій, мы видимъ въ здѣшнемъ храмѣ наукъ водвореніе Философіи, по предстательству непосредственнаго нашего Начальника; за любовь къ наукамъ предстоятъ намъ не страхъ и угрозы, а по-

хвалы и награды Правительства. Оно не окружаетъ себя высокою стѣною нетерпимости ни отъ кого изъ обитателей земнаго шара, строго отдѣляя полезное отъ злоупотребленія; оно, указывая въ Исторіи на страницы, изображающія бичей человѣчества, указываетъ и въ Философіи на заблужденія, да юное поколѣніе съ очами свѣтлыми исходитъ на дѣланіе.

Утѣшимся же мыслію, что всѣ усилія, поддерживающія нетерпимость и легкомысліе, тщетны. Умъ, озаренный истиною и возбужденный къ неусыпной дѣятельности, отвращается мрака и вспять не обращается; могущественный гласъ самопознанія не умолкаетъ въ душахъ возвышенныхъ и устремляетъ ихъ къ подвигамъ трудныхъ и вѣчно славныхъ (*).

Всякое Философическое знаніе начинается съ изслѣдованія сущности предмета: и мы посвятимъ нынѣшнюю бесѣду разсужденію *о возможности Философіи, какъ науки.* Слѣдующее умозаключе-

(*) См. *Varney* — Analyse des Etudes de l'homme, par Bonstetten. 1822.

ніе будетъ предметомъ онаго: I. Всякая наука имѣетъ а) содержаніе въ извѣстной b) формѣ; II. если въ Философіи сіе условіе удовлетворяется: III. то убѣдимся, что она наука. Отсюда уже непосредственно выведется 1) опредѣленіе Философіи, 2) раздѣленіе на части и 3) объяснится связь оной съ прочими знаніями ума человѣческаго (*). Какъ вновь посвящающіеся наукѣ, соберемъ воедино разсѣянное въ многихъ твореніяхъ высокихъ мыслителей.

I.

Всякое знаніе имѣетъ содержаніе и форму.

Любовь къ истинному также человѣку естественна, какъ любовь къ доброму и изящному. Къ числу побужденій, врожденныхъ духу человѣческому, принадлежитъ побужденіе къ приобрѣтенію знаній, какъ проявленіе идеи или первообраза истины. Никто не заблуждается съ намѣреніемъ; напротивъ каждый почитаетъ себя тѣмъ

(*) Для сего можно читать Schelling's—über die Möglichkeit einer Form der Philosophie überhaupt. 1795.

совершенніе, чѣмъ болѣе распространяетъ кругъ познаній своихъ; притомъ мы только тѣ изъ нихъ называемъ истинными, посредствомъ которыхъ сознаемъ настоящія свойства предметовъ. Отъ различія познаваемаго и разности познающаго зависитъ различеніе познаній: и потому можно дѣлить оныя или a) по содержанію, т. е. предметамъ, каковы Богъ, природа и человѣкъ; b) или по формѣ, т. е. по особеннымъ способамъ познанія, именно опытному, умозрительному и трансценденталному, тотъ и другой способъ соединяющему. Въ первомъ отношеніи всѣ возможныя знанія раздѣляются на Ѳеологическія, Физическія и Анѳропологическія; во второмъ на опытныя, умозрительныя и собственно Философическія. Чувственно, посредствомъ опыта познаваемое въ предметахъ есть внѣшняя ихъ сторона (phaenomenon), или явленіе вообще; умозрительно познается сущность явленій (novmenon), или, какъ говорятъ, вещь сама по себѣ. Но какъ въ каждомъ предметѣ чувственныя свойства нераздѣльно соединены со сверхчувственными и однѣ къ другимъ относятся, какъ явленіе къ сущности. какъ внѣшнее

ко внутреннему: то, для удовлетворительнаго и совершеннаго познанія предметовъ, необходимо изслѣдованіе тѣхъ и другихъ свойствъ, или Философическое.

Такимъ образомъ если всякое знаніе имѣетъ опредѣленное содержаніе въ извѣстной формѣ; то естественно рождается вопросъ: кто познаетъ и какъ удостовѣряемся мы въ возможности знанія и бытіи познаваемаго? При настоящемъ изслѣдованіи мы не имѣемъ въ виду изчисленія всѣхъ знаній, составляющихъ предметы разныхъ наукъ: поищемъ токмо общихъ и необходимыхъ условій, при коихъ возможны познанія. Всякое же знаніе есть произведеніе духа: посему въ немъ должны заключаться и условія возможности знанія.

Міръ видимый (objectivitas), или содержаніе всего, чувствами постигаемаго, есть познаваемое; духъ, созерцающій предметы, или внѣ его находящіеся и отъ него независимые, н. п. природу въ различныхъ частяхъ — или предметы, въ немъ существующіе, н. п. собственныя его дѣйствія, чувствованія, правила — сей духъ есть познающее и познаваемое (subject—

object). Для краткости, первое станемъ называть природою, второе микрокосмомъ, или просто человѣкомъ. Самъ Творецъ познается изъ творенія своего, природы и человѣка; Божественное Откровеніе уже довершаетъ Богопознаніе. Сознаніе бытія видимости производится въ духѣ нашемъ посредствомъ созерцанія и мысленія. Посредствомъ первой способности или силы духа познаемъ предметы по ихъ чувственнымъ качествамъ; но симъ еще не совершается познаніе: созерцаніе чрезъ мысленіе возвышается къ знанію опредѣленному. Образъ чувственно понимаемой вещи составляется созерцаніемъ; различеніе частей и качествъ, взаимнаго частей отношенія между собою и къ другимъ вещамъ, также соединенія ихъ съ цѣлымъ — есть дѣло мысленія. Изслѣдованіе способностей познающаго духа, посредствомъ коихъ приобрѣтаются знанія, и способовъ къ достиженію знаній истинныхъ, должно составлять предметъ или содержаніе особой науки. — Безчисленное множество явленій въ природѣ и человѣкѣ не льзя представлять себѣ несвязною громадою; нѣтъ — въ каждомъ явленіи порознь

и въ цѣломъ господствуетъ правильность, отъ чего зависитъ опредѣленность и точность. Все существующее есть изображеніе и тѣлесности, и жизненности: форма первой пространство, второй — время; сими формами опредѣляется бытіе. Если же все, въ видимости находящееся, должно быть познаваемо въ духѣ; а сіе возможно тогда только, когда законы познающаго духа согласны съ законами бытія явленій: явствуетъ, что формы знанія согласны съ формами бытія и могутъ служить однѣ другимъ взаимнымъ объясненіемъ. И ихъ изслѣдованіе принадлежитъ особой наукѣ. — Изъ сего видимъ, что встрѣтившійся вопросъ разрѣшается или открытіемъ въ природѣ законовъ ума, или въ повѣркѣ умозрѣнія помощію явленій; слѣдовательно оный обращается въ другой вопросъ: показать тожество знанія и бытія. Рѣшеніемъ сего вопроса занимается духъ самопознающій и самопознаваемый, когда всѣ явленія природы переходятъ въ представленія, а сіи въ понятія, или когда міръ физическій преобразуется въ міръ идеальный и когда по видимому оканчиваются всѣ наблюденія; ибо тогда человѣкъ, какъ

житель не одной земли, но и неба, остается недоволенъ трудами своими — и въ самыхъ понятіяхъ ищетъ основаній; объяснивъ себѣ внѣшнюю сторону явленій, проникаетъ въ ихъ сущность, сокрытую въ идеяхъ или первообразахъ. Сей вопросъ, въ различныя времена различно предлагаемый, или въ видѣ задачи о началѣ вещей, или въ видѣ изслѣдованія законовъ ума, или въ видѣ изученія основныхъ правилъ нравственности, составлялъ *особое знаніе подъ названіемъ Философіи,* и въ Академіи Платона, и въ Лицеѣ Аристотеля, и въ Портикѣ Зенона (*).

Послѣ сего необходимо предполагаемъ, что Философія можетъ имѣть свое опредѣленное содержаніе въ извѣстной формѣ; доказавъ ето, заключимъ, что она особая наука. Поелику или содержаніе назначаетъ форму, или обратно формою опредѣляется содержаніе: очевидно, что возможна одна Философія, какъ наука; всякое умствованіе, отъ оной отличное, необходимо ложное. Такая наука возможна, когда всѣ части оной подчи-

(*) Schulze's Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften. 1824.

нены одному условію, и, опредѣляя одна другую, всѣ вмѣстѣ опредѣляются условіемъ единственнымъ. Частни же науки суть положенія: слѣдуетъ, что сего единственнаго условія искать должно въ положеніи главномъ, основномъ, изъ котораго получимъ рѣшеніе выше упомянутаго вопроса.

Изъ предыдущаго очевидно, что Философія не выводится, какъ слѣдствіе, ни изъ какой другой науки; напротивъ всѣ прочія знанія подводятся подъ вопросы Философскіе о законахъ ума, возможности бытія, или подъ одинъ вопросъ, другіе обьемлющій, о тожествѣ знанія и бытія. Очевидно, что главное, основное положеніе Философіи есть безусловное, т. е. отъ другихъ началъ наукъ независящее. Непосредственно изъ сего заключаемъ, что содержаніе Философіи всѣмъ прочимъ содержаніямъ наукъ служитъ основаніемъ; или поелику высшаго вопроса надъ изложеннымъ не находимъ, то рѣшеніе онаго должно составлять предметъ высшей науки, содержащей въ себѣ условія всѣхъ прочихъ. Сего безусловнаго начала и основанія всякому другому содержанію и всякой другой формѣ должно

ли искать во внѣшности? Можно ли неизмѣняемое производить отъ измѣняемаго безпрестанно, свободное отъ необходимаго, неограниченное и безпредѣльное отъ ограниченнаго и конечнаго? Ясно, что такого основанія должно искать въ началѣ, въ которомъ предметъ сливается съ представленіемъ, или въ которомъ находится совершенное тожество бытія и представленія. Сіе тожество подлежащаго съ предлежащимъ, познающаго съ познаваемымъ, удовлетворяется единственно *самосвѣдѣніемъ* (conscientia sui ipsius), основаніемъ всякаго знанія, на которомъ утверждается возможность самаго бытія (principium cognoscendi et essendi). Здѣсь заключаются данныя для вышепредложенной задачи.

Если въ самосвѣдѣніи знаніе и бытіе сливаются; то первоначальное положеніе можно такъ выразить: *я знаю, что существую*. Но дѣйствіе самосвѣдѣнія обнаруживается въ разумѣніи, хотѣніи и чувствованіи: посему знаніе обращается въ мысль, желаніе и чувство; предыдущее же положеніе получаетъ слѣдующія выраженія: *я существую въ мысли, въ желаніи*.

вѣ чувствѣ. Въ слѣдствіе сихъ выводовъ, мысли, желанія и чувствованія могутъ быть названы производителями всѣхъ явленій, въ насъ происходящихъ. Явствуетъ также, какимъ образомъ первоначальное выраженіе становится для всѣхъ прочихъ главнымъ, основнымъ, и какъ сіи положенія, будучи развиты и разложены въ ряды, составляютъ цѣлыя науки. Могущественное *Я служитъ идеей Философіи; отсюда выводятся идеи истиннаго, добраго, изящнаго*. Всевышній вложилъ въ насъ сіи идеи, какъ начала, безъ коихъ мы не познавали бы ни духа нашего, ни природы. Сіи начала, признанныя между древними Платономъ, между новѣйшими Лейбницемъ, Декартомъ, Фихте и всѣми высшими мыслителями, суть первообразы духа нашего и тѣ неизмѣняемые законы, по коимъ мы соединяемъ причины съ дѣйствіями, сущность съ качествами, единство съ различіемъ — по коимъ всѣ явленія заключаемъ въ пространствѣ и времени — по коимъ судимъ объ истинномъ, добромъ и изящномъ. Они, будучи приняты за основаніе въ наукахъ, объясняютъ всю цѣпь истинъ, ими объемлемыхъ, показывая и первыя звенья, на

коихъ сіи истины утверждены; безъ нихъ природа никогда намъ не раскроется въ своей таинственности. По симъ началамъ мы носимъ образъ и подобіе Творца; временное, земное существованіе наше показываетъ отпаденіе отъ ясности и чистоты идей, вмѣстѣ съ жизнью въ перваго человѣка вдохновенныхъ; вся видимость представляетъ ихъ отраженія. Идеи къ дѣйствіямъ самосвѣдѣнія относятся какъ общее къ особенному, какъ цѣлое къ частному, какъ безконечное къ конечному; ихъ мы токмо духовно созерцаемъ; къ нимъ болѣе или менѣе приближаемся, никогда не достигая; въ ихъ-то безконечности, безпредѣльности и общности съ благоговѣніемъ познаемъ свѣтъ, Свѣтомъ свѣтовъ въ первомъ человѣкѣ возженный. Новое подтвержденіе первой посылкѣ нашего умозаключенія: всякое знаніе имѣетъ содержаніе и форму (*).

(*) Для подробнѣйшаго изслѣдованія безусловнаго начала Философіи можно читать: Fichte's — Wissenschaftslehre, in ihrem allgemeinen Umrisse dargestellt. 1810. Klein's — Einleitung in das Studium der Philosophie überhaupt. 1811. Thanner's—Metaphysik. 1808.

II.

Философія имѣетъ содержаніе и форму.

Самосвѣдѣніе, принятое нами за начало Философіи, есть дѣйствіе духа, познающаго вмѣстѣ и познаваемаго, изъ котораго исходитъ все духовное наше существованіе; всѣ способности суть только различныя онаго проявленія. Сіи проявленія чѣмъ ближе къ началу своему, тѣмъ свободнѣе, болѣе общи, выше; но чѣмъ отдаленнѣе отъ онаго и чѣмъ болѣе подвержены измѣненіямъ, претерпѣваемымъ въ безчисленныхъ отраженіяхъ, какія происходятъ отъ соединенія души съ тѣломъ, тѣмъ менѣе духовны, ограниченнѣе, не столь превосходны. Откройте первообразы въ явленіяхъ, въ насъ самихъ происходящихъ, и въ явленіяхъ внѣшнихъ, или, какъ мы сказали выше, покажите тожество знанія и бытія — есть предметъ или а) *содержаніе Философіи.* Совлеките мысленно со всей природы одежду ея, въ видимости столь разнообразную: останутся явленія въ пространствѣ и времени. Перенесите же всѣ сіи явленія въ представленія; обратите умственные взоры ваши на сей новый, идеальный

міръ, въ физическомъ отражающійся; не спросите ли вы невольно самихъ себя: какъ происходитъ сіе необыкновенное зрѣлище? По какимъ законамъ носимъ мы въ самихъ себѣ вселенную? Если познаніе всего, насъ окружающаго, составляетъ необходимое условіе существованія: то познающее, все въ себѣ вмѣщающее и вмѣстѣ себя себѣ представляющее — сей духъ, въ многоразличныхъ видахъ проявляющійся, не большихъ ли достоинъ изслѣдованій? Сіи же изслѣдованія, раскрывающія внутреннюю сторону явленій, не большихъ ли трудовъ достойны и въ отношеніи къ природѣ? Она, какъ уже замѣчено, не можетъ открыть намъ начальныхъ, общихъ первообразовъ, которые заключаются въ духѣ нашемъ, съ нимъ растутъ, раскрываются, въ природѣ представляясь осуществленными; ибо, говорили мы, природа видимая есть отраженіе духовной, или отраженіе идеальнаго въ вещественномъ. Посему духа не льзя объяснить безъ природы, и природы безъ духа. Цѣлое изъ понятій и идей, въ духѣ созерцаемое, есть система Философіи. Между идеальнымъ міромъ и природою находится такое же отношеніе, ка-

кое между душею и тѣломъ; въ человѣкѣ видимъ мы соединеннымъ то, что въ природѣ раздѣлено на многія особыя существа, такъ что природа, вся вмѣстѣ разсматриваемая, изображаетъ человѣка со стороны физической. Постепенное совершенство ея одинаково съ постепеннымъ совершенствомъ человѣческаго организма. Еще яснѣе и убѣдительнѣе становится прежде сказанное, что показать единство и тожество законовъ обоихъ міровъ, идеальнаго и вещественнаго, есть вопросъ, обьемлющій содержаніе Философіи.

Если идеальное находится въ столь тѣсномъ союзѣ съ вещественнымъ: то въ какихъ другихъ первообразахъ можетъ оно отразиться, какъ не въ тѣхъ самыхъ, кои мы въ себѣ заключаемъ, т. е. въ идеѣ истины, доброты и изящества? Таковые первообразы суть понятія ума; ибо въ природѣ не находится соотвѣтствующихъ имъ предметовъ; изъ нихъ составляются идеалы (idea in individuo), являющіеся въ произведеніяхъ умственныхъ, нравственныхъ и естетическихъ; отъ того и сіи произведенія могутъ только приближаться къ идеямъ, никогда ихъ не

достигая, какъ своихъ предѣловъ. Не смотря на отпаденіе души отъ своего начальнаго первообраза, вездѣ и всегда въ каждомъ человѣкѣ болѣе или менѣе обнаруживаются идеи, въ самосвѣдѣніи покоящіяся. Въ грубой чувственности онѣ едва примѣтны; но въ томъ свѣтлѣютъ онѣ, подобно яркимъ звѣздамъ, кто умозрѣніемъ возносится въ горняя. Отъ различнаго соединенія идеальнаго съ вещественнымъ примѣчаемъ перевѣсъ той или другой стороны, или, назовемъ условно, стороны положительной и отрицательной. Безпрерывная премѣняемость видимыхъ явленій единственно отъ того пребываетъ, что каждый первообразъ какъ бы избралъ себѣ особую область въ видимости и въ такомъ разнообразіи проявляется. Отъ сего зависитъ существенность или дѣйствительность видимой природы.

Дѣятельность духа, замѣтили мы, возбуждается внѣшнею природою и отполѣ на себя обращается: почему и ряды наблюденій, изъ сего созерцанія выводимые, начинаются съ явленій, въ коихъ находится перевѣсъ вещественности, и окан-

чиваются созерцаніемъ совершенно идеальнымъ — отъ стихій до самосвѣдѣнія. Сей необъятный кругъ изслѣдованій содержитъ все твореніе Всемогущаго; въ семъ же порядкѣ производилось шестидневное созданіе вселенной. Первый рядъ явленій представляетъ природу неорудную; второй — орудную; третій — духовную. Въ неорудной природѣ проявляется идея истины со всѣми свойствами своими, отражающимися въ соразмѣрности, правильности и законахъ движенія. Изчисленіе всѣхъ сихъ явленій во времени и пространствѣ есть только повѣрка законовъ, въ насъ врожденныхъ и съ духовнымъ существованіемъ нашимъ нераздѣльныхъ. Въ орудной природѣ встрѣчаемъ идею изящества со всѣми прелестными его формами. Природа духовная являетъ идею доброты. Сколько въ Естественной Исторіи орудной природы наслаждаемся единствомъ въ многоразличіи: столько въ Исторіи человѣчества удивляемся многоразличію въ единствѣ. Сіи три рода явленій вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое — міръ, въ которомъ идеальное первенствуетъ предъ вещественнымъ; ибо въ немъ заключаются законы тому,

что въ видимости столь многоразлично раскрывается (*).

Идея истины, осуществленная въ тѣлахъ неорганическихъ, изображаетъ чудный механизмъ во времени и пространствѣ. По видимому здѣсь болѣе не существуетъ начало свободное, что зависитъ отъ перевѣса вещественности. Здѣсь все подвержено слѣпой необходимости; одно опредѣляется другимъ; но все сохраняетъ законы, въ явленіяхъ сокрытые, какъ то: въ магнитизмѣ, электричествѣ, химизмѣ. Разсматривая неорудную природу, сводимъ истину на идею, и, преслѣдуя всѣ явленія, частные законы, на пути опыта встрѣчающіеся, подводимъ подъ общіе, въ насъ находящіеся; ибо вещественное и идеальное, знаемъ изъ предыдущаго, противуполагаясь одно другому какъ внѣшнее и внутреннее, никогда не могутъ одно другому противорѣчить; открывая же законы, мы себя самихъ встрѣчаемъ. Показать, какимъ образомъ въ неорганической природѣ идеальное отразилось въ вещественномъ—

(*) См. Eschenmayers—Psychologie. 1822. Schellings'—Idealismus und Naturphilosophie. 1800 et 1779.

есть основная задача въ семъ ряду явленій.

Вторый рядъ существъ, т. е. органическихъ, изображаетъ отразившуюся идею изящества. Вмѣсто огромныхъ массъ, являются малѣйшія существа, представляющія не слѣпую необходимость, но свободную дѣятельность. Въ механизмѣ перваго ряда видимъ каждое цѣлое изъ частей составленнымъ; въ организмѣ сего ряда каждая часть есть цѣлое; каждый органъ, кромѣ общей жизни, одаренъ жизнію особенною, ему свойственною. Стройная связь частей обнаруживается и поддерживается возпроизводительностью, раздражительностью и чувствительностью. Вся сія природа есть какъ бы безконечно растянутое тѣло наше, въ которомъ отражается идеальное: куда ни обратимъ взоры наши, усматриваемъ какъ бы часть себя самихъ, управляемую тѣми законами, кои въ насъ заключаются. Открытъ въ безчисленныхъ органическихъ существахъ идею изящества — есть начальный вопросъ при изслѣдованіяхъ природы орудной.

Идея доброты отражается въ человѣкѣ, вѣнцѣ творенія Всемогущаго, Его

образъ и подобіе носящемъ. Здѣсь встрѣчаемъ существо, которое само въ себѣ отражается, само себя передъ собою ставитъ и само себѣ можетъ быть началомъ и предметомъ — существо, имѣющее самосвѣдѣніе въ разумѣніи, желаніи и чувствованіи — существо, которое есть символъ и языкъ природы. Раскрыть въ человѣчествѣ идею доброты — есть цѣль сихъ изслѣдованій.

Соединяя всѣ частные, разсмотрѣнные вопросы въ одинъ, можемъ предметъ ихъ свести въ одно выраженіе: идеальное объяснить изъ вещественнаго; посему и Философія въ семъ отношеній называется *Естественною*.

Окончивъ созерцаніе всего видимаго, душа, обращенная сама на себя, обрѣтаетъ также идеи истины, изящества и доброты въ помянутыхъ дѣйствіяхъ самосвѣдѣнія: разумѣніи, чувствованіи и хотѣніи. Когда бытіе обращается въ знаніе, то прежде всего спрашиваемъ себя: какимъ образомъ чудесное разнообразіе перешло въ единое знаніе? Всякое бытіе обнаруживается въ явленіяхъ; отъ сего

становится предметомъ нашего наблюденія посредствомъ чувственнаго созерцанія и мысленія; помощію сихъ дѣйствій самосвѣдѣніе въ особенномъ находитъ сходство съ общимъ единствомъ, которое познается умственно и не можетъ быть предметомъ чувственныхъ ощущеній. Показать отношеніе ихъ къ единству безусловному есть дѣло духа разумѣющаго, гдѣ проявляется идея истины. Здѣсь преслѣдуются измѣненія дѣятельности духовной въ видѣ разума, фантазіи и созерцанія умственнаго — открываются законы, по коимъ мы отъ особаго возносимся къ частному, отъ частнаго къ общему, и показываются условія при изысканіи истины.

Чувствованіе, соединяющее видимость и духовность, отражаетъ врожденную намъ идею изящнаго. Степени чувствованія, какъ отраженія изящнаго, суть: чувство, вкусъ, геній; первое даетъ понятіямъ жизнь; второй — формы и образы предмета; третій возвышаетъ до идеаловъ, соотвѣтственно идеѣ изящнаго. Посредствомъ чувственности сообщаясь съ существами видимыми, а помощію дѣя-

тельности духовной существуя въ идеальномъ, мы въ одно и тоже время живемъ въ двухъ мірахъ — и представленіе безпредѣльнаго въ конечномъ рождаетъ искусство. Раскрыть идею изящнаго во всѣхъ произведеніяхъ искусства показаніемъ изящнаго въ его сущности, со стороны силъ, коими приводится духъ нашъ въ движеніе, равно и въ многоразличныхъ его явленіяхъ—ето предметъ особыхъ изслѣдованій.

Наконецъ идея доброты изображается въ хотѣніи, которое обнаруживается въ побужденіяхъ, желаніяхъ и волѣ. Найти законы, по коимъ свободная воля должна дѣйствовать въ разнообразныхъ отношеніяхъ человѣческой жизни — есть занятіе особаго умозрѣнія.

Сіи задачи сводятся въ одно выраженіе: вещественное подчинить идеальному. Въ первой изъ нихъ духъ нашъ стремится къ тому, чтобы умственное осуществить; во второй безконечный духъ соединяется съ конечнымъ его ограниченіемъ; въ третьей уничтожается въ насъ конечность и возвращается первоначаль-

ная безконечность, или вещественное какъ бы одухотворяется. Сію часть Философіи, въ противуположность первой, называютъ *Идеальною*.

Отъ созерцанія природы и человѣка возносится мысль къ Творцу всего творенія. Но, по воплощеніи Богочеловѣка, уничтожились Θеогоніи и Космогоніи древнихъ, какъ лепетанья младенцевъ — и вопросы, какіе человѣкъ, по свойству духа самопознающаго, давалъ себѣ въ отношеніи къ прошедшему, настоящему и будущему: что я? за чѣмъ я? откуда я? разрѣшаются въ писаніяхъ Боговдохновенныхъ: Моисея, Іоанна и въ Благовѣстіи. Ученіе о Божественномъ, безконечномъ и вѣчномъ, чрезъ Откровеніе намъ преподанное, составляетъ предметъ Богословіи, гдѣ духъ, сіе знаменіе Божества, разсматриваемый въ первообразѣ своемъ, представляетъ идеи истины, доброты и изящества во всей ясности и чистотѣ, дабы, приводя человѣка въ сіе состояніе, чуждое общенія съ мракомъ временной жизни, возвысить его къ Творцу вселенной. Душа до сего времени подобна была хаосу: распространилось Слово — и все

пришло въ порядокъ въ мірѣ нравственномъ, какъ нѣкогда отъ сего же Слова приведена въ устройство вселенная.

Изъ сего явствуетъ, что предметъ или содержаніе Философіи есть природа и человѣкъ; ибо она стремится познать бытіе; бытіе же существуетъ въ двухъ состояніяхъ: мірѣ вещественномъ и идеальномъ. Она не можетъ занимаѣься исключительно однимъ изъ сихъ предметовъ, но обоими вмѣстѣ; потому что ни ни въ одномъ не заключается все бытіе и одинъ представляется отраженіемъ другаго. Посему Философія обьемлетъ знаніе вообще. Но какъ мы въ началѣ изслѣдованій нашихъ замѣтили, что частныя явленія въ томъ и другомъ мірѣ составляютъ особыя науки, то предѣлы Философіи стѣсняются и въ *содержаніе ея войдутъ: общіе законы знанія и бытія.*

Въ какой же b) *формѣ,* или какимъ образомъ излагаются сіи законы, обьемлющіе все содержаніе науки?—Отъ различнаго изложенія произошли различныя системы, а отъ сего и секты въ Философіи.

Всегда человѣкъ, какъ гражданинъ міра вещественнаго и идеальнаго, то сковывался цѣпями чувственности, то возносился въ горняя. Первоначально истина, непосредственно къ нѣкоторымъ случаямъ примѣненная, излагалась древними мудрецами въ отдѣльныхъ гномахъ или мысляхъ. Но послѣ обыкновенно двѣ противныя стороны, эмпирическая и умозрительная, раздѣлявшія ученіе Философіи отъ Ѳалеса до нашихъ временъ, не дѣйствуя въ совокупности, не находили искомаго. Одни, вмѣстѣ съ Платономъ, утверждали ничтожество всѣхъ пріобрѣтеній посредствомъ чувствъ, производя все изъ источника внутренняго; другіе, послѣдуя Аристотелю, предполагали, что міръ внѣшній доставляль душѣ всѣ познанія. Идеализмъ, идучи отъ познающаго къ познаваемому, отъ основаній къ слѣдствіямъ, по способу Синтетическому, произвелъ ученіе Догматизма; Реализмъ, отъ познаваемаго заключая о познающемъ, выводя начала изъ слѣдствій, способомъ Аналитическимъ, первому противуположнымъ, образовалъ ученіе Критицизма. Недостаточная убѣдительность сихъ ученій, порознь дѣйст-

вовавшихъ, произвела въ Пирронѣ Скептицизмъ, который не довѣрялъ дѣйствительности знанія и бытія. Новѣйшій Иденитизмъ, признавшій тожество знанія и бытія, разрѣшилъ тѣ недоумѣнія, которыя въ продолженіи вѣковъ оставались неприступными. Отъ сего исполинскіе, неимовѣрные успѣхи во всѣхъ знаніяхъ Анѳропологическихъ и Физическихъ! Всѣ способы философствованія имѣютъ то общаго, что стремятся къ одной цѣли, по идеѣ истины; превосходство же Иденитизма становится очевиднымъ, когда вспомнимъ, что предметъ Философіи— бытіе конечное и безконечное; что части сего бытія согласны съ цѣлымъ; что разнообразіе есть повтореніе единства въ различныхъ видахъ: такова должна быть и форма знанія, т. е. совокупность Идеализма и Реализма. Въ Философіи не должна быть одна внѣшняя связь познаній между собою, какую примѣчаемъ въ явленіяхъ, но внутренняя— и не въ одной послѣдовательности, а въ совокупности; ея ученіе должно представлять стройный организмъ. Мысли, желанія и чувствованія, какъ производители явленій въ духѣ нашемъ, начина-

ются, въ отношеніи къ каждому, съ соединенія духа съ тѣломъ: здѣсь первый актъ самосвѣдѣнія. Съ соединеніемъ существа свободнаго съ органическимъ, вмѣстѣ съ противудѣйствіемъ сихъ различныхъ существъ, переходитъ идеальное въ существенное. Различныя способности душевныя, замѣтили мы выше, или различныя дѣйствія духа суть отраженія онаго, менѣе или болѣе отъ средоточія своего отдаленныя, и потому менѣе или болѣе осуществленныя: ближайшія дѣйствія къ средоточію суть высшія, отдаленнѣйшія — низшія. Чувственность связываетъ идеальное съ видимостью, которая представляетъ дальнѣйшія онаго отраженія. Но какъ явленія въ человѣкѣ находятся подъ вліяніемъ идеальнаго: такъ и въ природѣ видимой — въ каждомъ явленіи сокрыто идеальное, составляющее сущность явленій и сохраняющее единство въ многоразличіи. Измѣненія оныхъ зависятъ отъ различнаго состоянія тѣхъ условій, по которымъ, какъ мы показали выше сего, существо является въ извѣстномъ видѣ: по сей-то причинѣ для Иденшишизма и внутренняя сторона природы столь же очевидна, какъ и внѣшняя; *сего*

только формою разрѣшается вопросъ о единствѣ и тожествѣ знанія и бытія.

Здѣсь не мѣсто изчислять въ подробности дѣленія системъ и сектъ; судьба каждой науки излагается въ ея Исторіи: такъ и въ *Исторіи Философіи* увидимъ: что была Философія? что есть и чего отъ нея ожидать должно? Въ настоящемъ случаѣ надлежало упомянуть о слѣдствіяхъ покушеній касательно безусловнаго начала, всѣмъ знаніямъ общаго; слѣдствія же сіи образуютъ форму науки, искомую въ сей части разсужденія.

III.

Философія наука.

Повторимъ въ немногихъ словахъ нами пройденное. Всякая наука имѣетъ главное положеніе, въ которомъ заключается содержаніе и форма оной; изъ предыдущаго же очевидно, что начала, служащія основаніемъ прочимъ наукамъ, не могутъ быть основаніемъ Философіи: и потому должно искать онаго не внѣ, а внутри себя самихъ.

Поелику начало, соединяющее представленіе и существо, или знаніе и бытіе,

есть самосвѣдѣніе: то оно единственно можетъ быть принято за начало Философіи. Въ выраженіи: я знаю, что существую — находится и содержаніе, и форма, какъ данныя. Показать единство знанія и бытія есть обширная задача Философіи.

Если всѣ опытныя и умозрительныя науки, занимаясь отдѣльно какимъ либо кругомъ явленій, не удовлетворяютъ духу нашему, ищущему общности и всецѣлости въ познаніяхъ своихъ: то должна существовать наука, имѣющая предметомъ основныя начала всѣхъ прочихъ знаній, опредѣляемая извѣстнымъ содержаніемъ и формою: сія особенная наука есть Философія.

Что же наконецъ есть Философія? *Сократъ* называлъ ее наукою очищенія нравовъ, изслѣдованія природы и ея таинствъ, и образованія ума. *Зенонъ* назначалъ ей цѣлію совершенствованіе нашей жизни и непрестанное размышленіе о смерти. *Цицеронъ* почиталъ ее наукою дѣлъ Божескихъ и человѣческихъ (*). Изъ новѣйшихъ многіе, вмѣстѣ съ *Вольфомъ*,

(*) См. *Xenophontis*—Memorabilia Socratis и *Ciceronis*—Tusculaneae et Academicae Quaestiones.

принимали ее за науку о существѣ вещей и основныхъ началахъ познанія; по *Канту*, Философія есть умоученіе (*); по *Фихте*—наукословіе. Всѣ сіи опредѣленія не обьемлютъ того содержанія, которое узнали мы изъ предыдущаго изслѣдованія; послѣднее есть ближайшее къ истинному. Дабы вывести оное, разсуждаемъ такимъ образомъ. Начало, служащее основаніемъ Философіи, безусловное: такова должна быть и самая наука, на которой основываются прочія; ея предметъ — безусловное. Сіе начало въ самосвѣдѣніи, изъ котораго исходитъ знаніе и бытіе, какъ проявленіе идей безусловнаго: и потому, по настоящему разумѣнію *Платона*, точнѣйшее 1) *опредѣленіе* Философіи заключится въ *наукѣ идей*. (**) Предметъ ея изслѣдованій собственно душа, или духъ самопознающій, въ соединеніи съ тѣломъ и въ общеніи съ видимымъ міромъ. Самосвѣдѣніе, обращенное на внѣшнюю сторону, открываетъ Философію Естественную, или умозрительную Физику, или

(*) Kant's—Critik der reinen Vernunft. 1818.

(**) *Platonis*—Timæus. Также могутъ быть читаны: *Alcinous* — *Εἰσαγωγη τῶν δογμάτων Πλάτωνος*. *Plutarchus*—De plac. phil.

Вольфову Метафизику; самосвѣдѣніе, обращенное на внутреннюю сторону, образуетъ Философію Идеальную, заключающую въ себѣ Кантову теорію чистаго и практическаго ума. Но какъ идеи сливаются въ самосвѣдѣніи, котораго дѣйствія, всѣ вмѣстѣ взятыя, называемъ душею: то Философія сводится въ науку о душѣ или *Психологію* въ обширномъ смыслѣ; посему *Философія, Наука идей, Психологія* — суть выраженія тожественныя. Въ наукѣ о познающемъ содержится наука о познаваемомъ: природѣ и человѣкѣ. Очевидно, что всѣ науки Физическія и Антропологическія, занимающіяся явленіями, какія встрѣчаемъ въ природѣ и человѣкѣ, имѣютъ нужду въ началахъ, служащихъ симъ явленіямъ основаніями, коихъ открытіемъ и опредѣленіемъ занимается Психологія; къ ней всѣ прочія науки относятся, какъ частное къ цѣлому, или какъ особое къ общему; равно Психологія въ такомъ же отношеніи находится къ Богословіи. Облеките мысленно числа, линеи, поверхности и тѣла Геометрическія веществомъ: вы представите себѣ вселенную, столь чудесную по единству въ разнообразіи, на которую и

Пиѳагорѣ взирая, называлѣ тѣла и силы физическія живыми числами; вмѣстѣ съ идеей вселенной представится и храмъ всѣхъ прочихъ наукъ Физическихъ и Анѳропологическихъ, между которыми первенствуетъ Маѳематика, или наука по преимуществу. Обратно осуществите міръ идеальный — вы получите идею Словесности, или искусства по преимуществу.

Такимъ образомъ, сводя Философію въ Психологію въ обширномъ смыслѣ, выводимъ ее изъ области неопредѣленныхъ умозрѣній и назначаемъ предметы для занятій ея точные; съ утвержденіемъ содержанія и формы Философіи истребляется нелѣпое понятіе наукъ неточныхъ. Поелику Философическія изслѣдованія, какъ видно изъ предыдущаго, относятся или къ познающему, или къ познаваемому: то и Психологію должно раздѣлить на А) *чистую* и В) *прикладную*. Но познающее, заключили мы выше, имѣетъ свойство само себя ставить предметомъ: явствуетъ, что чистая Психологія подраздѣлится на I) *умозрительную* и II) *опытную*, которыя относятся одна къ другой, какъ идеальное къ вещественному; умст-

венное познаніе одной (in abstracto) повторяется другою въ очевидности (in concreto); одна начинаетъ изслѣдованія свои съ мысленія, другая—съ созерцанія—двухъ дѣйствій самопознающаго духа, заключающаго идеи, или первообразы истины, доброты и изящества. Изъ чистой Психологіи выведутся науки, обьемлющія предметъ Идеальной Философіи: 1) Истиннаго — *Логика*, какъ критика чистаго ума; 2) Добраго — *Этика*, какъ критика практическаго ума, и 3) Изящнаго— *Есѳетика*. — Преслѣдуя сіи самыя идеи въ природѣ, отдѣлимъ въ прикладной Психологіи, содержащей предметы Естественной Философіи, слѣдующія части: 1) *Онтологію*, 2) *Космологію* и 3) *Пневматологію*. Подробнѣйшее изчисленіе заняшій каждой части будетъ предметомъ особаго конспекта (*).

(*) При нынѣшнемъ свѣтѣ наукъ, тщетно мы станемъ искать въ сочиненіяхъ новыхъ Философовъ Вольфову Онтологію и другія части; истинныя знанія замѣнили Философію среднихъ вѣковъ, состоявшую въ номенклатурѣ. Прежнія названія частей удерживаются по соотвѣтственности съ главнымъ предметомъ *κατ' ἐξοχήν*. Указать можно на замѣчательное сочиненіе изъ новѣйшихъ *Гербарта*: Pſychologie als Wiſſenſchaft, neu gegründet auf Erfahrung, Metaphyſik und Mathematik. 1824.

Чтожъ, спросятъ, останется разумѣть подъ названіемъ Философіи? — Врожденное, отвѣтствую, всѣмъ и каждому стремленіе познавать и въ познаваемомъ искать единства — дѣйствіе духа нашего какъ бы средостремительное, противуположное другому дѣйствію средобѣжному, по которому единство обнаруживается въ многоразличіи или въ твореніяхъ духа. Въ сихъ двухъ дѣйствіяхъ состоитъ вся дѣятельность онаго: одно объемлетъ всѣ науки, другое — всѣ искусства; одно по преимуществу названо у древнихъ Философіею, другое — Поэзіею. Но Философія, въ смыслѣ науки принимаемая, есть Психологія, ведущая къ открытію единства въ знаніи и бытіи. Сіе ученіе относится къ жизни, какъ средство къ цѣли: направить мысленіе и всѣ знанія привести въ единство необходимо для того, чтобъ жизнь каждаго человѣка и всего человѣчества соотвѣтствовала идеямъ самосвѣдѣнія — идеямъ истины, доброты и изящества.

Еще остается возраженіе, какого ожидать мы можемъ отъ большей части просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ: именно

то, что опредѣленіе Философіи Психологіею не есть ни Вольфово, ни Кантово, ни Фихтево, ни Шеллингово. Кто стремится къ совершенствованію, тотъ, при должной благодарности къ великимъ умамъ, предшествовавшимъ на поприщѣ ученія, по словамъ Гердера:

„Выйдя на берегъ, ученія школъ, какъ Левкоеви связки,
„Въ волны бросаетъ."

Изъ сего естественно слѣдуетъ заключеніе о необходимой 2) *связи* Философіи, нами въ Психологіи сосредоточенной, съ прочими науками. Онѣ, вмѣсто насъ, говорятъ и о ея пользѣ. Если главная задача наукъ Нравственно — политическихъ состоитъ въ томъ, чтобъ привести лица въ идею, изъ ихъ отдѣльности образовать цѣлое и составить изъ онаго, какъ бы органическое бытіе: то начала для сего вопроса содержатся въ Философіи. Отъ недостатка Философскихъ началъ видимъ несогласіе въ книгахъ по одному и тому же предмету нравственно — политическому. Монтескьё въ Духѣ законовъ даетъ рѣшительные приговоры для различныхъ управленій; Руссо, говоря о договорѣ общественномъ, дѣлаетъ заговоръ противъ

общества; Макіавель преподаетъ правила властителямъ: и между тѣмъ первый не открылъ идеи закона; второй не помыслилъ различить существа разумныя отъ безсловесныхъ; третій не думалъ о нравственномъ достоинствѣ человѣка — и ето ли значитъ философствовать? — Если науки Физико-математическія имѣютъ предметомъ познаніе природы: то безъ познанія Философическаго, проникающаго въ сущность явленій, природа останется таинственнымъ символомъ (*). Въ чистой Математикѣ величайшіе умы, каковы: Лейбницъ, Невтонъ, Лагранжъ, Даламбертъ, Ейлеръ и другіе состязаются о значеніи количествъ безконечно малыхъ; сей споръ останется также безконечнымъ, если не обратятъ вниманія на начала законовъ Математическихъ, въ умѣ нашемъ заключенныхъ, и не отдѣлятъ понятій отъ идей, конечнаго отъ безконечнаго. Въ Физикѣ различныя теоріи свѣта, звука и другихъ предметовъ служатъ доказательствомъ, что въ нихъ не достаетъ началъ Фило-

(*) См. Прекрасное разсужденіе: О способахъ изслѣдованія природы. 1825.

софскихъ. Естествоиспытатели, составивъ произвольныя системы для трехъ царствъ природы, думаютъ, что объясненіе ея окончено, вмѣсто того чтобъ постепенно преслѣдовать произведенія оной отъ неорудной стороны до духовной. Если науки Врачебныя имѣютъ въ виду содержать организмъ въ должной стройности и, въ случаѣ разстройства, приводить въ оный: то Философія для нихъ необходима, дабы открыть внутреннюю сторону организма (*). Часто измѣняемыя системы врачей показываютъ, что они должны обратиться къ помощи Философіи, безъ которой погребли многія тысячи преждевременно; ибо многіе слѣпотствующіе врачи, выучивъ условныя названія костей, мышцъ и другихъ частей организма, перенявъ средства и пособія практиковъ — емпириковъ, полагаютъ, что ихъ наука окончена, тогда какъ должно бы помыслить о внутренней сторонѣ организма, которая въ маломъ видѣ представляетъ вселенную. Наконецъ Словесность и Ис-

(*) См. Достойное разсужденіе *Велланскаго:* Пролюзія къ Медицинѣ. 1805.

кусства откуда могутъ заимствовать образцы для произведеній своихъ, если Философія не введетъ ихъ въ храмъ истины, доброты и изящества, гдѣ идеалы отъ вѣчности пребываютъ (*)? Лагарпъ, Жирардъ, Гоме, разсуждаютъ о вкусѣ, высокомъ, прекрасномъ, и ничего изъ многорѣчивыхъ разсужденій своихъ не выводятъ; Батте съ подражателями даютъ правила для сочиненій — и сами себѣ противорѣчатъ; Бозе, Дюмарсе, пишутъ о общихъ законахъ языковъ; цѣлыя толпы послѣдователей тѣхъ и другихъ спорятъ о классикахъ и романтикахъ: но подумалиль они разсмотрѣть всѣ силы духа самопознающаго; далиль себѣ отчетъ въ идеѣ изящнаго; опредѣлено ли въ точности искусство; вникнулиль въ глубокое значеніе слова? — И ето значитъ философствовать! Историки и Антикваріи съ жадностью переносятъ извѣстія изъ одной книги въ другую; Стапистики переплетаютъ газетные листы въ учебныя книги: но многіе ли помышляютъ, что исторія народа принадлежитъ къ исто-

(*) Съ пользою можно читать превосходное сочиненіе *Галича:* Опытъ науки изящнаго. 1825.

ріи человѣчества, какъ часть къ цѣлому— что недоумѣнія частныя разрѣшаются обозрѣніемъ общаго — что для Статистики выводятся начала изъ наукъ Политическихъ? Часто описываютъ человѣка, не проникая въ его мысли, желанія, чувствованія; описываютъ природу, не имѣя о ней никакого понятія. Самый разговоръ большей части людей, будучи лишенъ основаній Логическихъ, походитъ на младенческое лепетанье; ибо что иное значитъ говорить безъ опредѣленій, раздѣленія, послѣдовательности? — Съ появленіемъ свѣта Философіи рушатся безобразныя зданія наукъ, въ области учености созидаемыя опытомъ безъ умозрѣнія. Единство цѣлой вселенной повторяется въ каждой части; равно каждое особое знаніе должно повториться въ общемъ: такъ относятся и всѣ науки къ Философіи. Она есть первообразъ науки; всѣ прочія знанія суть ея продолженіе, или органы, въ коихъ она проявляется, какъ общія начала проявляются въ особыхъ. Каждая наука, какъ раскрытіе особаго ряда явленій, имѣетъ частное свое приложеніе и частную необходимость; наука идей во всякое время и вездѣ съ нами: она

въ нашемъ разумѣніи, хотѣніи, чувствованіи. Мысли суть звѣзды — путеводительницы человѣка въ продолженіи его бытія; изученіе ихъ законовъ есть предметъ существенный и высокій. Судьба каждаго человѣка и всего человѣчества всегда зависитъ отъ мысленія; и если въ обществахъ необходимы люди знающіе, то для образованія знающихъ необходимы мыслящіе.

Гдѣжъ, спросятъ, научиться преодолѣнію таковыхъ трудностей? Не смѣя утруждать вниманія Достопочтеннѣйшихъ Посѣтителей подробнымъ разсмотрѣніемъ цѣлыхъ громадъ книгъ по части Философіи, покоющихся вмѣстѣ съ развалинами всего бреннаго и земнаго, думаю, что довольно познакомиться со Стефенсомъ, Ешенмайеромъ, Клейномъ, Герресомъ, Таннеромъ, чтобы научиться дорожить иногда одною страницею болѣе, нежели огромными книгами, и возбудить дѣятельность духа познающаго. Храмъ, отколѣ выходятъ со всѣмъ нужнымъ запасомъ, для созерцанія природы и человѣка, имѣетъ надпись: Познай себя.

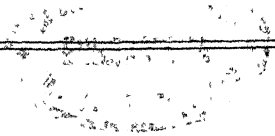
И такѣ всякая наука имѣетъ содержаніе въ извѣстной формѣ; въ Философіи, или въ Психологіи, по нашему опредѣленію, сіе условіе удовлетворяется совершенно: заключимъ, что она наука. Дальнѣйшее развитіе сего умозаключенія будетъ предметомъ нашего курса. Обозрѣніе того, что и какимъ образомъ, по назначеннымъ писателямъ, проходить мы будемъ, предложу при началѣ Философскихъ лекцій.

Свидѣтельствуя мою благодарность Достопочтеннѣйшему Собранію за благосклонное вниманіе ко мнѣ и усерднѣйше прося о снисхожденіи, вмѣняю себѣ въ обязанность, Васъ, Почтеннѣйшіе Слушатели, еще напутствовать воззваніемъ къ первому условію всякаго отличнаго знанія — къ труду. Вы можете встрѣтить такихъ лжеборниковъ Философіи, которые, чуждаясь труда и скудные въ существующихъ знаніяхъ на ученомъ поприщѣ, надѣятся замѣнить таковый недостатокъ громкими, непостижимыми и безплодными нововведеніями: сіи вредные защитники Философіи должны стоять на ровнѣ съ ея порицателями. Сократъ на вопросъ одного юноши—что должно знать

Философу? отвѣчалъ: «Всѣ науки, покрайней мѣрѣ важнѣйшія и высшія; особенно необходимы ему свѣдѣнія въ предметахъ ума.» (*) Укажу Вамъ также на древнюю Академію Платона, куда никто не входилъ безъ Математики; а Математика, научая труду непрерывнымъ поддерживаніемъ вниманія и возбужденіемъ мыслящей способности, ведетъ съ собою разнообразныя, полезныя, основательныя и изящныя свѣдѣнія; въ ней найдете повѣрку Логическихъ законовъ. Нужно ли говорить, что, для познанія природы и человѣка, нужна и Физіологія, и Анатомія, и Физика? Напоминать ли, что въ наукахъ Нравственныхъ и Политическихъ, имѣющихъ прямое приложеніе къ обществу, чрезвычайно важно образованіе дара слова? Языкъ Платона былъ столь привлекателенъ, что и Зевесъ, какъ думали древніе, говорилъ бы со смертными его языкомъ. Философія подаетъ надежный свѣтильникъ для изслѣдованій въ области умозрѣнія и опыта; и потому должно

(*) Любопытно прочитать Платоновъ разговоръ о Философіи, называющійся: Ἔρασται, особенно въ изданіи Штуттцманна. 1813.

пріобрѣтать многоразличныя свѣдѣнія, дабы свѣтъ Философіи не обнаружилъ пустоты и ничтожества. Но не думайте получить отъ нея нѣкій волшебный ключъ къ храму наукъ, въ замѣну и дарованій и всѣхъ знаній; она только можетъ содѣйствовать лучшему развитію однѣхъ, и вѣрнѣйшему пріобрѣтенію другихъ, возвышая душу къ умственному созерцанію идей истины, доброты и изящества. Богъ да благословитъ насъ въ начинаніяхъ нашихъ!



СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Предисловіе V

Изложеніе предмета лекціи 10

I. Всякое знаніе имѣетъ содержаніе и форму . . 11

II. Философія имѣетъ:

a) содержаніе 21

b) форму 32

III. Философія наука 36

1) Опредѣленіе оной и раздѣленіе на части . 38

2) Связь съ [illegible] 45